

П. П. БАЖОВ: ОТ АНАЛИЗА ТЕКСТА
К КОНСТРУИРОВАНИЮ ОБРАЗА АВТОРА
P. P. BAZHOV: FROM TEXT ANALYSIS
TO STRUCTURING THE AUTHOR'S IMAGE

DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.025
УДК 821.161.1Бажов-3.43:81'37

Е. К. Созина^{1,2}

¹Институт истории и археологии УрО РАН

²Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

СОБЫТИЕ И СЛУЧАЙ В СКАЗАХ П. П. БАЖОВА

В статье рассматривается взаимодействие события и случая в сюжетах сказов известного уральского писателя П. П. Бажова. Ю. М. Лотман определял событие как «перемещение персонажа через границу семантического поля», означающее необратимое изменение исходной ситуации. Случай отличает от события его непредвиденность, это вторжение в нашу жизнь неожиданного, нарушение привычного порядка и логики, некий эксцесс. Хотя еще А. С. Пушкин замечал, что порой случай — это «орудие Провидения». В сказах Бажова можно найти и случай, и событие, в зависимости от этого разной будет жанровая установка сказов, они могут быть отнесены либо к текстам-мифам, либо к текстам, названным Лотманом периферийными, т. е. к текстам новеллистичным. У Бажова случай обычно выводит к событию, завязкой которого, а вместе и центром становится *встреча*; из встречи рождается событие. В сказах о мастерах таким событием является встреча человека с Медной горы Хозяйкой. Эти сказы следует отнести к текстам-мифам, в них складываются основные коллизии мифического мира, формируется тип взаимоотношений тайной силы с человеком. В остальных сказах встречи персонажей с тайной силой имеют более случайный характер, и сами сказы склоняются к одной из двух жанрово-повествовательных моделей: либо к новелле, либо к чисто эпическому, даже историческому повествованию (рассказ, повесть). Сказы-новеллы — это «Тяюткино зеркальце», «Огневушка-поскакушка», «Голубая змейка», «Синюшкин колодец», «Серебряное копытце», где герои встречаются с волшебными персонажами меньшего ранга, чем Хозяйка Медной горы. Сказы эпического склада — «Кошачьи уши», «Травяная западенка», «Золотые дайки», «Ермаковы лебеди», «Дорогое имячко». Так в рамках всего сборника сказов Бажов выстраивал своеобразный компромисс между мифом и историей, вечностью, в которой пребывают Хозяйка и другие волшебные существа, и кратким временем человека, между вымыслом и верой в него — и повседневностью.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Павел Бажов; сказы; сюжет; событие; случай; эксцесс; чудо; сказы-мифы; сказы-новеллы; сказы-эпосы; авторская аксиология

Ц и т и р о в а н и е: Созина Е. К. Событие и случай в сказах П. П. Бажова. DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.025 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 97–110.

Поступила в редакцию: 27.12.2019

Принята к печати: 18.03.2020

Elena K. Sozina^{1,2}

¹*Institute of History and Archaeology UB RAS*

²*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

EVENT AND CHANCE IN PAVEL BAZHOV'S TALES

This article aims at revealing the interrelation between event and chance in the plots of tales by Pavel Petrovich Bazhov, a famous Ural writer. Yuri Lotman defined an event in a text as “the shifting of a persona across the borders of a semantic field”, which constitutes an irreversible change in the baseline situation. Chance is distinguished from an event by its abruptness; it is an intrusion of the unexpected into our life, a disturbance of the daily routine and logic, certain excess. However, even A. S. Pushkin noted that chance is sometimes a “tool of Providence”. In Bazhov’s tales, one can find both chance and event which condition the genre setup of the tales which in their turn may correspond to myth texts or those defined by Lotman as peripheral, i.e. novelistic. In Bazhov’s prose, chance usually leads to an event whose starting point, as well as centre, is an *encounter*; an encounter brings about an event. In tales about craftsmen, such an event is manifested by an encounter of a man with the Mistress of the Copper Mountain. These tales should be classified as myth texts: in them, the basic conflicts of the mythical world unfold and the type of relations between a mysterious force and man is formed. In the other tales, encounters between the persona and the mysterious force are more accidental in nature, and the tales themselves tilt towards one of the two genre-narrative models: either a novelette or a purely epic, even historical, narrative (short story, novella). Novelette tales are *Tayutka’s Mirror*, *The Fire-Fairy*, *The Blue Snake*, *Sinyushka’s Well*, and *Silver Hoof*, where personas encounter magical characters of a lesser rank than the Mistress of the Copper Mountain. Epic-like tales are *The Cat’s Ears*, *The Grass Hideaway*, *Dikes of Gold*, *Yermak’s Swans*, *Beloved Name*. Thus, throughout the whole collection of his tales, Bazhov built a peculiar compromise between myth, history, and eternity inhabited by the Mistress and other fairytale creatures, and the brief span of human life, between fiction (and belief in it) and mundanity.

К е y w o r d s: Pavel Bazhov; tales; plot; event; incident; excess; miracle; myth tales; short stories; epic tales; author’s axiology

For citation: Sozina, E. K. (2020). Sobytie i sluchai v skazakh P. P. Bazhova [Event and Chance in Pavel Bazhov's Tales]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 2 (198), 97–110. doi: 10.15826/izv2.2020.22.2.025

Submitted: 27.12.2019

Accepted: 18.03.2020

При чтении сказов П. П. Бажова читатель поневоле обращает внимание на разную степень или разное качество событий и событийности, описанных в сказах и образующих их сюжет. Как известно, события составляют «язык» сюжета. Ю. М. Лотман писал: «Выделение событий — дискретных единиц сюжета — и надделение их определенным смыслом... составляет сущность сюжета» [Лотман, с. 242]. Само же событие он определял как «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Там же, с. 282], означающее необратимое изменение исходной ситуации. Уточняя это определение, Н. Д. Тмарченко пояснял, что в лирике «семантическое поле» — это «тематическое поле» (поле значений), в эпосе или драме это «частные хронотопы», включенные в универсальный и объемлющий образ пространства-времени» [Теория литературы, с. 184]. Отталкиваясь от положения Гегеля, он разделял событие и происшествие. *Происшествие* просто происходит, независимо от сознания и воли героев; *событие* всегда связано с действием героя (актанта), т. е. «с его представлением о цели и о препятствиях к ее достижению» [Там же]. Таким образом, при определении события следует иметь в виду 1) пересечение некоей границы или ее радикальное изменение; 2) момент целеполагания героя или момент действия, внутреннего либо внешнего.

Однако событие, как можно представить, может быть и *случайным*, т. е. вовлечь героя в себя, будучи необходимым для исполнения авторского замысла (например, выступая в качестве проверки, испытания героя и пр.) и обнаруживая свою событийную необходимость далеко не сразу. Отсюда мы выходим к категории случая и случайности, которой так много в нашей жизни, хотя на этот счет у людей существуют прямо противоположные суждения: жизнь преисполнена случайного — и все в жизни не случайно, но закономерно, только мы не всегда понимаем это и часто не угадываем провиденциальный смысл по видимости случайного события. На этом построены многие сюжеты мировой литературы, достаточно вспомнить дилемму Лермонтова и Печорина, представленную в новелле «Фаталист» (провиденциализм и волюнтаризм).

Итак, что есть случай? Обычно выделяется несколько его значений: 1) случай как происшествие, иногда казус (нечто случилось, нечто произошло...); 2) случай как нечто непредвиденное, вторжение в нашу жизнь неожиданного, нарушение привычного порядка и логики, эксцесс (Ю. М. Лотман писал о том, что положительный полюс случая манифестируется чудом, отрицательный — скандалом или эксцессом [Лотман, с. 235]); 3) случай как рука судьбы или «орудие Провидения» (по выражению А. Пушкина). Лотман выделял две группы текстов: п е р в ы е — относящиеся к центральной сфере культуры, где мир реконструируется «как

полностью упорядоченный, наделенный единым сюжетом и высшим смыслом», это тексты-мифы; и в т о р ы е — принадлежащие к периферийной сфере культуры, в картине мира которых «господствует случай, неупорядоченность» [Лотман, с. 234–235]. Периферийные тексты, очевидно, ярче всего реализуют себя в жанре новеллы, а также анекдота и связанных с ними иных литературных жанров, хотя упорядоченность мироустройства начинает разрушаться уже в древнем эпосе, где нарушается цикличность времени и появляется его линейная модель или ее элементы (т. е. в литературе Нового времени).

Случай способен перерасти в *событие*, когда нарушается если не обыденная логика, то сложившееся течение жизни и происходит нечто важное, означивающее пересечение или нарушение границ семантического поля, вообще любое нарушение границ (в том числе — границ человеческого разума); обычно это случай во втором или третьем значении из указанных выше. Однако кроме события, происходящего в мире персонажей, есть *событие самого рассказа или повествования*, благодаря которому может состояться текст. Как было сказано выше, событие отличает от происшествия и также, добавим, от случая наличие у актантов цели и каких-либо действий по ее реализации. Может ли быть случай / случайность в самом повествовании? По-видимому, да: вспомним Пушкина, удивляющегося, какую штуку учудила его Татьяна: «взяла да и вышла замуж». Однако вопрос о том, насколько творческий акт случаен или случайностен, а насколько провиденциален или внутренне закономерен, я оставляю открытым. Важно отметить, что событийность и ее связь с целеполаганием всегда определяется ценностными установками актанта либо повествователя, а в конечном счете — автора. Сошлюсь на точку зрения, высказанную А. А. Чевтаевым: «...вопрос о том, что считать событием, определяется в соответствии с релевантностью ситуации по отношению к ценностным установкам повествовательной инстанции» [Чевтаев, с. 260]. *Ситуация* же, согласно Б. В. Томашевскому и Н. Д. Тмарченко, — это определенное положение действующих лиц в тот или иной момент времени, или их взаимоотношение, изменение которого и означает начало происшествия либо события (Тмарченко: переход ситуации в коллизию или конфликт) [Теория литературы, с. 191–192].

В сказах П. П. Бажова мы можем найти и случай, и событие, причем в зависимости от этого разной будет жанровая установка или модель текстов сказов: они могут быть отнесены либо к текстам-мифам, либо к текстам, названным Лотманом периферийными, условно говоря — к текстам новеллистичным. Хотя в современном мире периферийными их назвать уже нельзя, скорее, такую роль играют тексты-мифы, и, как отмечал Н. Д. Тмарченко, в эпическом сюжете Нового времени царит равноправие случайности и необходимости, циклической и кумулятивной схем сюжетного развития [Тмарченко, с. 236].

Посмотрим же на взаимодействие случая и события в сказах Бажова.

Прежде всего, указание на некий случай как на то, что *случилось* (на некое происшествие), достаточно часто присутствует в речи рассказчика-повествователя и выполняет двойную функцию: 1) вводит читателя (или предполагаемого

слушателя — в силу установки в сказах на устную речь) в ситуацию рассказа, подготавливает к последующей истории, т. е. осуществляет переход от рассказа к самой истории (от повествующего к повествуемому); 2) вводит случай как завязку некоего события, важного действия, нередко оказывающего серьезное влияние на судьбу героя. См. ряд примеров: «Правда ли это, сказать не берусь, а только и про такой случай рассказывали» («Железковы покрышки») [Бажов, т. 1, с. 101]; «Был еще на руднике такой случай» («Таюткино зеркальце») [Там же, с. 155]; «Мне вот дедушка покойный про один случай сказывал» («Иван Крылатко») [Там же, т. 2, с. 34]. Особенно показательным является выполнение «случаем» своей повествовательной роли в сказе «Старых гор подаренье», где мы видим сказ в сказе, точнее, структура повествования здесь матрешечная: из сказывания первичного рассказчика рождается «старый сказ» некоего «старого мастера», а из него — сказ еще одного мастера, Митрича, о Салавате. В каждом сказе-рассказе как зерно его сюжетной событийности присутствует свой случай. «Недавно вон у нас на заводе случай вышел» [Там же, с. 23] — говорит первичный рассказчик, рассказывая об изготовлении оружия «в подарок первому человеку нашей земли» [Там же] и вводя фигуру «старого мастера». Он, в свою очередь, рассказывает об изготовлении оружия для «эфиопского царя», когда «случилась нежданная остановка» [Там же, с. 24]. В его рассказе появляется следующий рассказчик — «дедушка Митрич», который ведет сказ о Салавате и центральное его событие отмечает словами: «...с этим Салаватом такой случай вышел» [Там же, с. 25]. «Случай вышел» — подход к основному событию в рассказе, а им становится судьбоносная для Салавата встреча с неким вершником, дарящим ему волшебную шашку, и далее вокруг этой шашки разворачивается история жизни Салавата и ее финал. Нельзя не обратить здесь внимание на авторефлексию рассказчика-повествователя, а за ним и автора, на свое повествование: неоднократное употребление слова *сказ*, зерно которого всякий раз — случай.

Таким образом, следует выделить два момента: случай у Бажова выводит к событию, завязкой которого, а вместе и центром, становится *встреча*; можно в данном случае говорить о ситуации встречи, из которой рождается событие. Случай — это вербальный знак перехода к событийности в структуре сказа: от повествования — к истории, зерном которой и является случай, ставший событием, обернувшийся событием.

Возможно использование глагола *случаться, случиться* в значении 'происходить, произойти (причем случайно, непреднамеренно)': «В те годы у мастеров по каменному делу заминка *случилась* (здесь и далее курсив в текстах наш. — Е. С.). <...> На Тагильском медном, *случалось*, находили кусочки...» («Железковы покрышки») [Там же, с. 100], «По счастью, пост *случился*» («Травяная западенка») [Там же, с. 147]. Хотя из случая в этом значении часто вырастает нечто значительное, показывающее свою неслучайность, и это специально подчеркивает рассказчик: «Вот оно как сделано было, а мы думали по-другому. / Такое вот самое *случилось* с нашей златоустовской булатной сталью» («Коренная тайность») [Там же, т. 2, с. 54]. Случай как случайность и как эксцесс может

затем, спустя время, показать свою закономерность. Случай чаще всего единичен, недаром его запоминают, о нем рассказывают, хотя производных форм глагола в языке две — *случилось* и *случалось*, и вторая подразумевает, что действие, некое происшествие может повторяться, оно бывало или бывает неоднократно, например: «*Случалось* мне, читывал» (о своем заводе в книжках; «Шелковая горка») [Бажов, т. 2, с. 98]; «Раньше, *случалось*, всегда на людях была, кругом огоньки мелькали, и людей видно» («Таюткино зеркальце») [Там же, т. 1, с. 159]; «*Случалось* и так, что в одной избе у печки ножи да вилки в узор разделявают... а под полатями рогожи ткнут» («Живинка в деле») [Там же, т. 2, с. 109].

Случай происходит неожиданно, случайно, к нему трудно подготовиться заранее, и это в горном деле, вообще в горах или «в горе», где происходит большая часть сказов Бажова, — норма, но жители знают особенности своего места и готовы ко всему. Показателен сказ «Таюткино зеркальце», где слово *случай* фигурирует неоднократно, действительно указывая на случай, т. е. на нечто единичное и неординарное. «Был еще на руднике такой случай» [Там же, т. 1, с. 155] — введение в историю. «Неровен час, — какой случай выпадет» [Там же, с. 159], — говорит рудобой Гане Заре, когда тот ведет с собой Таютку в шахту. «Мало ли какой случай бывает» [Там же, с. 162], — вторит ему Ганя, когда Таютка находит в шахте свое маленькое зеркальце. Для Таютки находка зеркальца так и осталась случаем — ничего особенного в ее жизни не произошло, и жизнь ни ее, ни отца от этого не переменилась. А для владельцев рудника случайная, казалось бы, находка большого зеркала выявила свою негативную событийность — как того ожидали и к чему готовились рудничные рабочие, хотя присутствие Таютки в шахте, очевидно, повернуло стрелку гнева Хозяйки, разбившей свое зеркало, в другом направлении и уберегло всех от обвала. Таким образом, мы выходим к *неслучайности случаев*, происходящих «в горе», в том мире, где человек — лишь слабый пользователь не им заготовленных богатств и подземных даров.

Пожалуй, центральный вопрос, который возникает в связи с этой темой, — насколько случайны встречи героев Бажова с представителями тайной силы, в том числе с самой Хозяйкой? Казалось бы, встреча Степана с ней («Медной горы Хозяйка») — дело случая, но ни в этом сказе, ни во всех остальных из цикла о мастерах нет упоминания о случаях и случайности — за исключением, пожалуй, одного «случая», который сам по себе и нагляден, и имеет глубокий смысл. В сказе «Горный мастер» происходит своего рода обсуждение Катей («мертвяковой невестой» Данилы-мастера) с братьями ее удачной продажи своих поделок из камня. «Братья слышали про ее-то удачу и говорят: — Случай счастливый вышел. О чем тут говорить. — Таких, — отвечает, — случаев не бывало. Это мне Данило сам такой камень подложил и узор вывел» [Бажов, т. 1, с. 86]. То, что для незнающих случай, случайность, то для знающих — не случай, а проявление некоей закономерности, чего-то заданного, положенного, чьей-то воли. Недаром и Катя, распилив камень и увидев там узор — как две птицы друг к другу навстречу летят — бежит на гору за Данилой — и обретаем своего жениха вопреки

законам, установленным самой Хозяйкой, но по велению силы любви и привязанности, которую признает и Хозяйка.

Во всех сказах так называемого гумешкинского цикла (о мастерах) мы наблюдаем не случай, а именно событие, им является встреча человека с Медной горы Хозяйкой. Ни причины, ни условия этого события у Бажова не обозначены — просто приглянулся Степан Хозяйке, и она показала ему, замуж за него идти собиралась, проверку устроила, каков он человек, и мы понимаем, что другому — не показала бы, так как Хозяйка видит человека насквозь, ей нужен был именно Степан. Пересечение границ семантического поля происходит здесь буквально: Степан, а потом и его своеобразный восприимчивик Данило оказываются в подземном царстве Хозяйки, т. е. в ином мире. Хозяйке же позволено пересекать эти границы беспрепятственно.

Дальше все разворачивается по законам уже случившегося события как его следствия. В «Малахитовой шкатулке» все, что происходит с Танюшкой, не случайно уже в силу того, что она выступает как своего рода феномен, дитя трансгрессии — замещенная дочь Степана и Медной горы Хозяйки, в царство которой она потом и уходит. По-видимому, это самый сказочный сказ Бажова. В нем присутствуют знаки чудесного события — волшебные предметы: шкатулка, пуговка; у Танюшки есть свой «помощник» — пришедшая в их дом странница-белошвейка, прозванная матерью Тани колдуньей (очевидно, сама Хозяйка в другом облике). Уральская девушка переживает и свое превращение в зеленоглазую красавицу в парадном зале дворца, по всем деталям напоминающее превращение Золушки. И если в первом сказе судьбоносная встреча, по сути, одна (Степана с Хозяйкой), то в этом сказе она не раз дублируется: встреча Танюшки со странницей, с собой будущей (через посредство пуговки — волшебного зеркальца), затем с царицей. Для Пароти и барина судьбоносной (в негативно-ироническом смысле), в свою очередь, становится встреча с Танюшкой: «Барин после этого и последний умишко потерял... <...> А Паротя, как его отстранили, по кабакам пошел» [Бажов, т. 1, с. 57].

В «Каменном цветке» случайным можно признать то, что Данило попадает на учение к Прокопичу, хотя художественный дар, которым он наделен, неминуемо ведет его в камнерезы — и столь же неминуемо приводит в царство Хозяйки. Логика таланта и мастерства у Бажова случайностей не имеет, поэтому и встречи его героев с тайной силой не случайны — как не случайны талант, мастерство, красота, притягивающие подобное, но и сами притягательные для зла и безобразия. Некоторая случайность вторгается в этот мир лишь в четвертом сказе — «Хрупкая веточка». Поворот в жизни Мити происходит из-за случайной встречи его с барином на горе, ставшей причиной последующих бедствий семейства. Но повествователь на этот счет другого мнения: Данило с Катей «возьми и погордись маленько: завели Митюньке сапожки поформеннее. Вот с этих сапожек у них полный переворот жизни и вышел» [Там же, с. 92]. Барин увидел сапожки на ногах ребят, сыновей простого камнереза, и вчетверо повысил ему оброк. Так что случай и здесь упраздняется (герои оказались наказаны

за гордыню). Столь же не случайно все, что происходит далее с Митей, — его заочная встреча с Хозяйкой: талантливый и ищущим Хозяйка сама помогает, а что его веточку, сделанную из простого камня, барин в пыль растоптал, диктуется опять-таки не случаем, а законами социальной психологии — барской спесью и дурью.

Сказы гумешкинского цикла следует отнести к текстам-мифам, в них складываются основные коллизии мифического мира, формируется тип взаимоотношений тайной силы с человеком. Цикл внутренне завершен. Внутри него выделяются свои два (под)цикла: «Медной горы Хозяйка» и «Малахитовая шкатулка» (главные герои — Степан и Танюшка); «Каменный цветок», «Горный мастер», «Хрупкая веточка» (Данило, Катя, Митя), но на исчезновении последнего представителя рода мастеров — Танюшки, затем Мити — рассказ об этих мастерах обрывается. Однако это не смерть персонажей — они просто переводятся в другой план бытия, их новое появление (явление), возврат в принципе возможны, что следует считать рудиментом мифа в текстах Нового времени, так же как и двойниковость персонажей (Степан — Данило; Танюшка — Хозяйка). Наиболее мифологичен в этом плане сказ «Горный мастер», где Катерине буквально «с того света» удастся вернуть своего любимого (мифологические параллели — Исида и Осирис, Орфей и Эвридика). К данному циклу примыкает сказ «Две ящерицы», где герой, простой парень Андрюха, также встречается с Хозяйкой и получает от нее награду за свое противодействие системе власти, за простоту и смелость, а отсюда — его встреча с Хозяжкой также отнюдь не случайна. Потом и он исчезает неведомо куда, как Митя из «Хрупкой веточки»; можно предположить, что таких собирает Хозяйка в своих подгорных владениях — ведь живут под озером, укрывшись от Полоза, Айпын с женой Золотым Волосом, и там у них все есть — «Одним словом, приволье» («Золотой волос») [Бажов, т. 1, с. 303], замечает повествователь.

Пожалуй, не менее событийен сказ «Приказчиковы подошвы», составляющий антитезу к сказам о мастерах. Насколько заслуженно получают свою награду от Хозяйки мастера, насколько же по заслугам наказывает она приказчика-зверя. Недаром в этом сказе слышится слово *чудо* (положительный полюс случая), употребляемое по отношению к изделию, вышедшему из рук неземных мастеров («Что, — думают, — за чудо. Кому тут малахит шлифовать?» [Там же, с. 130]). Хотя «чудом» оказывается глыба малахита с приказчиком Северьяном внутри (ирония сказа).

Событийны и сказы, входящие в цикл о Великом Полозе: этот представитель тайной силы, жалея детей изрубленного на горной работе Левонтия, показывает им золото, а направляет его своего рода «помощник» и проводник золота в мир старый Семеныч. Как видим, везде в основе события — встреча героев с тайной силой, кардинально меняющая их жизнь. Случай становится завязкой действия в сказе «Жабреев ходок»: в момент, когда старатель Никита Жабрей забавляется, кидая в толпу детей конфеты, среди ребят «случился парнишко один, Дениско Сирота его звали» [Там же, с. 203], не захотевший вместе с другими

детьми кланяться ни за конфетами, ни за деньгами и ставший наследником и восприемником тайны погибшего позднее Жабрея. Завязка по видимости случайна, а по сути — предопределена: «Давно такого присматриваю» [Бажов, т. 1, с. 204], — говорит Никита Жабрей Дениске, зовя его себе в помощники. Отомстив за Никиту купцу-убийце, потом исчезает и Дениска («...сколько ни искали, найти не могли» [Там же, с. 209]). В финале «Змеинового следа» (двоица к сказу «Про Великого Полоза») один из двух братьев, честный Пантелей, получает от Полоза свою награду и удачно, хотя «без затей» женится на «смирненной девушке» «из бедного житья» [Там же, с. 196], а исчезает плясунья, наказавшая негодного человечешку Костьку, брата Пантелея, и явившаяся воплощением все того же Великого Полоза.

В остальных сказках встречи персонажей с тайной силой имеют гораздо более случайный характер, и сами сказы склоняются к одной из двух жанрово-повествовательных моделей: либо к новелле, либо к чисто эпическому, даже историческому повествованию (рассказ, повесть). К сказам-новеллам можно, с некоторой оговоркой, отнести «Тяюткино зеркальце», «Огневушку-поскакушку», «Голубую змейку», «Синюшкин колодец», «Серебряное копытце». Во всех них также происходит встреча героев с тайной силой, хранящей богатства и одаривающей людей, но здесь уже, за исключением «Тяюткина зеркальца», сама тайная сила является не в образе Медной горы Хозяйки: это некие другие духи или силы Уральских гор, рангом поменьше. Сказы-новеллы имеют много родственного со сказкой и начинаются, как правило, со сказочно-сказового зачина: «Жил в нашем заводе...» («Синюшкин колодец», «Серебряное копытце») [Там же, с. 255, 267], «Росли в нашем заводе...» («Голубая змейка») [Там же, с. 236]. Лишь в «Огневушке-поскакушке» используется зачин, сразу вводящий некий случай: «Сидели *раз* старатели круг огонька в лесу» [Там же, с. 226] — аналогично в «Тяюткином зеркальце»: «Был еще на руднике *такой случай*» [Там же, с. 155].

Случаю, происходящему буквально «раз», достаточно часто сопутствует его маркер — «вдруг»: «*Вдруг* из самой серединки (костра. — Е. С.) вынырнула девчоночка махонькая» [Там же, с. 226]. О роли «вдруг» писали неоднократно в связи с романами Достоевского, это наречие как раз и указывает на вторжение случая как случайности в действие. Но, случившись вроде бы случайно, далее событие разворачивается уже по неслучайной логике, и происходит это не со всеми старателями, ставшими свидетелями появления Огневушки, а с Федюнькой, целиком ей поверившим, да с дедом Ефимом (эта пара — старый да малый — у Бажова достаточно частотна, ей доверено многое из того, что недоступно взрослым). Внешне событие встречи выглядит случайным, но внутренне герой уже готов к нему, ждет и торопит эту встречу — как Даренка, Ланко с Лейко; бабкой Лукерьей предупрежден о встрече с Синюшкой и Илюха; лишь Федюнька первоначально ничего не знает о Поскакушке, зато потом также ждет и ищет ее. О возможности встречи с тайным существом персонажи сказов обычно узнают от какого-нибудь знающего лица, обычно старика или старухи, хранящих тайное знание и становящихся, таким образом, вестниками Случая.

Каждый из героев проходит свое испытание, в которое входит и которым обусловливается его готовность к встрече с чудесным, а затем получает награду. За веру и старание награждается Федюнька, а с ним и дедко Ефим, за веру и бескорыстие — Даренка, а с ней дед Кокованя, за удаль и «простую душу» — Илья в «Синюшкином колодце», за доброту сердца и дружбу — Лейко с Ланко («Голубая змейка»). Если вспомнить пушкинскую фразу «случай — орудие Провидения», то можно признать, что в роли Провидения выступает у Бажова тайная сила. Она направляет судьбу человека, ее сила и власть располагается поверх всех социальных, сословных, экономических порядков и законов. Поэтому и вторжение в человеческую жизнь неведомого, неожиданного (но всегда возможного!) происходит по видимости случайно, да случайность эта задана высшим порядком — тайной силой гор.

Случай помогает — и случай проверяет, испытывает человека. Он может так и остаться случаем, единичным происшествием, словно шар, кинутый наугад, — как, например, находка Таюткой зеркальца в шахте (ставшая драматическим событием — но не для нее), а может развернуться в подлинное событие — как произошло с Ильей в «Синюшкином колодце» (не только деньгами бабка Синюшка его наградила, но и суженую ему навстречу послала). Встречи с тайной силой событийны, потому что меняют вектор человеческой судьбы, всей жизни: это главный критерий события.

Однако парадокс сказов Бажова состоит в том, что выделенные нами рассказы-новеллы фиксируют случаи, где событие встречи происходит, а в жизни персонажа ничего существенно не меняется, или меняется не принципиально, не так, как следовало бы «по-волшебному». Изменение вроде бы происходит (камешки найдены, богатство получено), но само изменение эпизодично, и дальнейшая судьба героя складывается обычно. Илюха со встреченной девчонкой «свою долю нашел», однако она скоро померла, так как из мраморских была, да и сам Илюха «долго не зажился» [Бажов, т. 1, с. 266]. Наутро выпавший снег скрывает все камни, которые набил своим серебряным копытцем волшебный козел, только то и осталось, что «Кокованя в шапку нагреб», хотя, конечно, «им и того хватило» на первое время [Там же, с. 274]. Федюнька с дедом Ефимом «прихранить богатство не сумели, конечно», хотя «годов с пяток в достатке пожил» [Там же, с. 235]. Лейко и Ланко извлекли правильный урок из встречи с голубой змейкой — «и оба удачливы в своих делах были» [Там же, с. 247], да и сестра Лейка наконец замуж вышла, но все это явления в жизни достаточно заурядные. Если встреча с Хозяйкой или Великим Полозом кардинально меняет, ломает жизнь человека, то менее значительные тайные силы лишь на время разворачивают ее к лучшему, чуть-чуть спрямляют.

Отличие это принципиально. И. П. Смирнов указывал, что новелла часто имеет в виду «вырождение истории» (курсив автора. — Е. С.). ...Новелла вместо того, чтобы показать новое состояние мира, обнаруживает, что оно недостижимо. Новелла рассказывает историю о невозможности истории (о неспособности бытия к трансцендированию). <...> Переход в новое бытие есть, согласно

новеллистической философии, не более чем кажимость» [Смирнов, с. 9]. Так и у Бажова: и читатель, и герои думают, что с драгоценными дарами жизнь их совершенно изменится, но этого не происходит, наблюдается лишь своего рода обман читательских ожиданий. Показателен здесь сказ «Сочневы камешки», где сама Хозяйка насмеялась над Ванькой Сочнем: из кошелька с камням такой дух пошел, что «терпеть нельзя» [Бажов, т. 1, с. 139], так что вместо награды получил Ванька жестокое наказание от властей. (Серьезно-героическому сказу о Степане сопутствует сниженно-комический сказ о Ваньке.)

О каком «вырождении истории» говорит И. П. Смирнов? Сказка-миф, мифологическая новелла (как у Бажова) обрываются на события или роковом случае, в котором кольцом сворачивается время, поэтому и все, что будет происходить с вовлеченными в случай персонажами потом, — неважно и неинтересно, банально; я думаю, что новелла сохраняет своего рода «запрет» на историю, существовавший в мифе, как своего рода мифологический рудимент. Поэтому достаточно часто в финале сказа рассказчик словно «закорачивает» дальнейшее, возможное течение жизни персонажей — переводит его на себя, на свое настоящее, устраивая тем самым волюнтаристский конец событию случая, из которого ему уже не уйти, обрамляя его нарративной рамкой. «Чего не знаю, того не знаю, выдумывать не согласен. Привычки к этому нет» («Жабреев ходок») [Там же, с. 209]; «А прииск этот и посейчас зовется Посакакушинским» («Огневушка-посакавушка») [Там же, с. 235]; «На моих еще памятях тут хорошо добывали. А колодца так и не нашли. <...> Глубокий, сказывают, тот синюшкин колодец. Страсть глубокий. Еще добытчиков ждет» («Синюшкин колодец») [Там же, с. 266]; «А по тем покосным ложкам, где козел скакал, люди камешки находить стали. Зелененькие больше. Хризолитами называют. Видали?» («Серебряное копытце») [Там же, с. 274]; «Зеркальце-то, сказывают, своей внучке передала. И сейчас будто оно хранится, только неизвестно — у кого» («Таюткино зеркальце») [Там же, с. 166]. Последний финал пограничен: своя история жизни сложилась у Таютки, но она уже за рамками случая, о ней говорится мимоходом.

Однако сказы Бажова в художественном отношении интересны тем, что чистоты жанра или повествования в них не найдешь. Редуцируя дальнейшее время как несобытийное, как время жизни, а не случая / события, он, тем не менее, в ряде сказов выстраивает квазиисторический нарратив, эти сказы мы назвали сказами-эпосами. К ним можно отнести «Кощачьи уши», «Травяную западенку» (с элементами анекдота, т. е. также с новеллистическим началом), «Золотые дайки», «Ермаковы лебеди», «Дорогое имячко». В них подчас трудно выделить центральное событие или базовый случай, развернувшийся событие, так как за ним тянется линия жизни, сама по себе интересная и важная для автора. Через эти сказы и происходит объединение сказов-мифов со сказами-новеллами, и благодаря им выстраивается единая линия исторического времени, начало которой положено мифом, а продолжается она разными случаями — и не только в настоящем времени самого рассказчика (нарративном настоящем), но и в истории места и его населения. Таким образом, автор творит не просто

новую, легендарную историю Урала, связанную с его прошлым, но, как уже было отмечено прежде [Литовская], уральский эпос, в котором легендарное прошедшее закреплено в последующем, которое не сворачивается в эсхатологический цикл по линии деградации времен и существ / людей, в нем живущих, но, напротив, разворачивается в «светлое» настоящее и не менее светлое будущее. Эти тенденции ясны в пространстве всех сборников сказов, но могут быть намечены уже и в отдельных произведениях.

В «Золотых дайках» в пространство сказа умещается сразу несколько историй. Опуская зачин рассказчика — его комментарий к слову *дайки*, в сюжетном плане можно выделить историю о Ерофее Маркове и шарташских скитниках (основанную, по словам В. В. Блажеса, на историческом предании [Бажовская энциклопедия, с. 160]), затем начинается история о шести братьях и их войне со скитниками, а отсюда, словно случайно, рассказчик выводит историю о Глафиры: «Потом уж это (открытое Ерофеем золото. — Е. С.) открылось через одну женщину да вовсе зряшного мужичонку, коего жена заставила в новом месте яму рыть» [Бажов, т. 1, с. 215].

В основе этой истории тоже лежит предание — об основании поселка Березовского. Никаких чудес и как бы случайных находок и встреч здесь не предвидится до самого финала, авантюрный сюжет о поисках золота переплетается с фольклорными вставками, с элементами чисто реалистическими, словно взятыми из литературы XIX — начала XX в. (такова, например, история второго замужества Глафиры), и образуется поистине сказ-гибрид, скрещенные разных литературных и фольклорных «пород». Случай вторгается в сказ и в жизнь своевольницы Глафиры, когда она, переживая ночь в яме, что они со Звонком когда-то вырыли, встречает там Перфила, одного из шести шарташских братьев, давно любившего Глафиру, — и с ним обретает свою судьбу. Этому жизненному случаю предшествует случай мифический. Коротая ночь, она видит во сне глубокое озеро со змеями с золотыми обручами. Благодаря этому сну утром Перфил находит в яме золотую жилу. Если встреча Глафиры с Перфилом действительно случайна (счастливая случайность), то ее сон к таковым отнести нельзя: сну предшествуют многочисленные рассказы Звонка о змее Дайке, увлекшие Глафиру, — она и вправду в какой-то момент поверила тогдашнему мужу и заставила его выкопать эту яму для приваживания змея.

Во многих сказах Бажова представитель тайной силы в конце концов является к тому, кто его ждет и вызывает, — как Лейко и Ланко («Голубая змейка») или Даренка в «Серебряном копытце». Так что находка золота в яме, когда-то выкопанной Глафирой со Звонком, — хотя и случай, но не случайный, и к нему подверстывается встреча их с Перфилом. Однако история Глафиры предваряет последующий по-настоящему эпический финал о продолжении жизни всей семьи и, более того, рода, пошедшего от Глафиры с Перфилом: это своего рода первопродки — «кореники», как называет их рассказчик. «Это перфилово да глафирино поколение не один дом тут поставило. Заявку, можно сказать, нашему заводу сделало» [Там же, с. 225]. Таким образом, история женщины и ее рода

перевешивает своей ценностью историю (случай!) находки золота на Шарташе. Хотя в самом конце рассказчик опять вспоминает про золото и делает заявку на следующий сказ: «Хоть бы брусницынское золото взять. Не слышали про такое? Ну, ладно, в другой раз расскажу» [Бажов, т. 1, с. 225], т. е. с истории переводит внимание читателя на само повествование, имея в виду его литературность и неизбежную условность.

В заключение можно предположить, что, объединяя сказы-мифы со сказами-новеллами, переводя волшебное и чудесное через речь рассказчика в разряд повседневного и заурядного, Бажов выстраивал своеобразный компромисс между мифом и историей, вечностью, в которой пребывают Хозяйка и другие волшебные существа, и скоропреходящим временем человека, между вымыслом и верой в него и повседневностью. Он дает достоверное продолжение и даже объяснение случившемуся чудесному событию, заземляет его и тем самым переводит «чудесное» в разряд фантастического (а фантастическое, как показал Ц. Тодоров, имеет двоякое объяснение: как сверхъестественное — и как простой обман чувств, незнание каких-то законов [Тодоров, с. 18–19]). Собственно, этого и требовал победивший советский режим, логику которого не мог не учитывать П. П. Бажов.

Источники

Бажов П. П. Сочинения : в 3 т. М. : Худож. лит., 1952.

Исследования

Бажовская энциклопедия / ред.-сост.: В. В. Блажес, М. А. Литовская. Екатеринбург : Сократ : Изд-во Урал. ун-та, 2007.

Литовская М. А. Жанровая система творчества П. П. Бажова // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / О. В. Зырянов, Т. А. Снигирева, Е. К. Созина и др. Екатеринбург : УрО РАН, 2010. С. 434–452.

Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Таллинн : Александра, 1992.

Смирнов И. П. О смысле краткости // Русская новелла: Проблемы теории и истории : сб. ст. / под ред. В. М. Марковича, В. Шмида. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1993. С. 5–13.

Тамарченко Н. Д. Эпика // Теория литературы. Т. III : Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении) / Л. И. Сазонова (отв. ред.) и др. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 219–244.

Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Академия, 2004. Т. 1.

Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / пер. с фр. Б. Нарумова. М. : Дом интеллектуальной книги : Русское феноменологическое общество, 1997.

Чевтаев А. А. Событие как категория лирического повествования // Нарративные традиции славянских литератур (Средневековье и Новое время) : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. К. Ромодановская, И. В. Силантьев. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007. С. 259–268.

References

Blazhes, V. V., & Litovskaya, M. A. (Eds.). (2007). *Bazhovskaia entsiklopediia* [Bazhov Encyclopaedia]. Yekaterinburg: Sokrat; Ural University Press.

Chevtsev, A. A. (2007). Sobytiye kak kategoriia liricheskogo povestvovaniia [Event as a Category of Lyrical Narration]. In E. K. Romodanovskaya, & I. V. Silantiev (Eds.), *Narrativnye traditsii slavianskikh literatur (Srednevekov'e i Novoe vremia): sbornik nauchnykh trudov* [Narrative Traditions of Slavic Literatures (Middle Ages and Modern Times)] (pp. 259–268). Novosibirsk: Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of Philology; Novosibirsk State University Press.

Litovskaya, M. A. (2010). Zhanrovaia sistema tvorchestva P. P. Bazhova [The Genre System of P. P. Bazhov's Creative Work]. In O. V. Zyryanov, T. A. Snigireva, & E. K. Sozina; V. V. Alekseev (Ed.), *Evol'utsiia zhanrov v literature Urala XVII–XX vv. v kontekste obshcherossijskikh protsessov* [The Evolution of Genres in 17th–20th-Centuries Ural Literature in the Context of All-Russian Processes] (pp. 434–452). Yekaterinburg: UB RAS.

Lotman, Yu. M. (1992). *Izbrannye stat'i* [Selected Articles] (Vol. 1). Tallinn: Aleksandra.

Smirnov, I. P. (1993). O smysle kratkosti [On the Meaning of Brevity]. In V. M. Markovich, & W. Schmid (Ed.), *Russkaia novella: Problemy teorii i istorii: sbornik statei* [The Russian Novella: Problems of Theory and History] (pp. 5–13). St Petersburg: St Petersburg University Press.

Tamarchenko, N. D. (2003). Epika. In L. I. Sazonova et al. (Eds.), *Teoriia literatury. T. III: Rody i zhanry (osnovnye problemy v istoricheskoi osveshchenii)* [The Theory of Literature. Vol. 3: Genera and Genres (Main Problems in Historical Coverage)] (pp. 219–244). Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Tamarchenko, N. D. (Ed.). (2004). *Teoriia literatury: uchebnoe posobie dlia studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedenii* [The Theory of Literature: A Textbook for Students of Philological Faculties of Higher Educational Institutions] (Vol. 1). Moscow: Academia.

Todorov, C. (1997). *Vvedenie v fantasticheskuiu literaturu* [An Introduction to Fiction]. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; Russian Phenomenological Society.

Созина Елена Константиновна

доктор филологических наук, профессор
 зав. сектором истории литературы
 Институт истории и археологии УрО РАН
 620990, Екатеринбург,
 ул. С. Ковалевской, 16
²профессор кафедры русской
 и зарубежной литературы
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
 E-mail: elenasozina1@rambler.ru

Sozina, Elena Konstantinovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
¹Head of the Sector of the History
 of Literature
 Institute of History and Archaeology UB RAS
 16, S. Kovalevskaya Str.,
 620990 Yekaterinburg, Russia
²Professor
 Department of Russian and Foreign Literature
 Ural Federal University
 51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
 Email: elenasozina1@rambler.ru
 ORCID: 0000-0002-7462-4153
 ResearcherID: A-1079-2016
 Scopus AuthorID: 57191623514